



ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукой брату.

28-го Апрѣли 1862 года.

Ради того, чтобы Голицыны не соскучились долгимъ ожиданіемъ, умоляю васъ, ставьте имъ въ примѣръ императора Александра.

Я ѣду, ѣду, милый другъ. Мое назначеніе прибыло, всѣ бумаги въ порядкѣ и получено разрѣшеніе на выѣздъ изъ Рима. Свѣчина была права: мнѣ назначено 1,800 рублей въ годъ и годовое содержаніе на путевые расходы. Завтра я начинаю расплачиваться съ долгами, а въ четвергъ окончательно покидаю Римъ; мѣсто уже взято, и въ субботу, на разсвѣтѣ я буду въ твоихъ объятіяхъ. Ахъ, если бы кузены еще не уѣхали и если бы они захотѣли пробыть еще нѣсколько дней въ Флоренціи и подождать моего пріѣзда. Въ случаѣ, если они уже уѣхали, умоляю тебя, ради Бога напиши имъ сейчасъ же и скажи, что я во что бы то ни стало догоню ихъ въ Генуѣ или гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Портфель еще не полученъ, и я право не знаю, куда положить свои бумаги. Вопросъ о слугѣ рѣшенъ окончательно, если я поѣду съ Голицыными, то не возьму его съ собою. Я буду испытывать отчаяніе Калипсо, если они уже въ дорогѣ. Благодарю тебя за пропуски, они пришли какъ разъ во время. Кстати. Что это значить, что Василевскій не счелъ нужнымъ прислать мнѣ треть жалованья за сентябрь? „Уже не въ Мадридѣ ли промахнулъ! куда бы глупо сотворилъ“.—Съ безпокойствомъ жду отъ тебя писемъ, пишу тебѣ это письмо вечеромъ, для того, чтобы быть совершенно свободнымъ завтра утромъ, въ воскресенье и идти съ прощальными визитами.—Свой ящикъ съ книгами

я отправлю послѣзавтра. Мое прощаніе со старикомъ вышло очень трогательно. Я увижу Пери. До свиданія. Прощай.

29 Апрѣля.

Ради Бога напиши, что ты получилъ это письмо и въ двухъ словахъ сообщи мнѣ рѣшеніе Голицыныхъ, еще пришли мнѣ портфель.

Я распечаталъ это письмо, чтобы приписать эти слова.

Генуя, 20 Мая 1826 года.

Генуя восхитительна! Какіе дворцы! какія картины! какія устрицы! Мы пріѣхали сюда вчера вечеромъ, довольно поздно; городскія ворота были еще открыты. Сегодня, какъ только я проснулся и подошелъ къ окну, я увидѣлъ знаменитую генуэзскую гавань. Море, это воплощеніе безконечности, корабли, нагруженные товарами всего міра, корабли, качающіеся на волнахъ, суетня матросовъ, благоуханіе моря—все это произвело на меня самое лучшее впечатлѣніе. Король въ Генуѣ, и улицы запружены нарядной толпой, которая—увы, только въ Генуѣ—считаетъ себя владычицей міра.

Мы совершенно благополучно доѣхали сюда, дорогой другъ. Мои спутники чудные ребята. Мишель все еще вздыхаетъ, а Теодоръ по прежнему не сходится съ нимъ во мнѣніяхъ по этому вопросу.

Путь отъ Лукки до Генуи, восхитителенъ, особенно та часть его, которая идетъ по берегу Средиземнаго моря, почтари везутъ довольно быстро и гостиницы не такъ плохи.

Оба брата ѣдутъ въ каретѣ, а я съ Альбини—сзади въ коляскѣ. Улицы Генуи такъ узки, что изъ одного окна въ другое можно подать другъ другу руку, и то, что я сказалъ далеко не преувеличено; генуэзскія женщины, славящіяся зазорнымъ личикомъ, носятъ на головѣ прозрачное покрывало, а населеніе Генуи кажется громаднѣе послѣ очаровательной Флоренціи. Со стороны моря видъ великолѣпенъ. Сегодня утромъ я былъ въ гостяхъ у знаменитаго графа Чиконьора, написавшаго сочиненіе по исторіи итальянской скульптуры, онъ живетъ въ той же гостиницѣ, гдѣ и мы. Окна нашихъ комнатъ выходятъ на море, и по вечерамъ два маяка, означающіе гавань, бросаютъ нѣжный свѣтъ на миллионы кораблей, стоящихъ въ генуэзскихъ водахъ.

Въ настоящее время, пока я тебѣ пишу, между Мишелемъ и Альбини происходитъ жаркій споръ; каждый хочетъ одержать верхъ, дѣло касается того, по какой дорогѣ ѣхать отсюда въ Ниццу: ѣхать ли моремъ, береговымъ путемъ или какимъ нибудь инымъ способомъ. Дворцы генуэзскихъ вельможъ необычайно красивы и роскошны.

Окрестности города усѣяны дачами; вездѣ царить достатокъ, не смотря на то, что какъ только мы выѣхали на сардинскую дорогу, она была сплошь покрыта нищими. Я нигдѣ не видѣлъ такого множества ихъ. Мое здоровье прекрасно. Какъ то твое, дорогой мой другъ. Напишешь ли ты мнѣ въ своемъ первомъ же письмѣ, что ты ужь не одинокъ, не одинъ въ своихъ комнатахъ? Ахъ, Мишель, какими бы удовольствіями я не пожертвовалъ для того, чтобы всегда видѣть тебя въ добромъ здоровьѣ! Мы уѣдемъ изъ Генуи черезъ 3—4 дня, не считая того, когда я тебѣ пишу. Сегодня утромъ мы осмотрѣли нѣсколько великолѣпныхъ картинныхъ галлерей и церквей, въ которыхъ находятся знаменитыя картины, но имъ все таки никогда не сравниться съ галлерейми Рима, который всегда и во всѣхъ отношеніяхъ будетъ владыкою міра. Мишель считаетъ, что здѣсь нѣтъ ничего хорошаго, нѣтъ одного существа, и міръ для него пустъ.

Вторую ночь мы ночевали въ *Spezia*, самой красивой гавани на Средиземномъ морѣ. Недалеко отъ берега, посреди моря находится прѣсный источникъ, бьющій съ такой силой, что воду можно пить, не чувствуя никакой соленой примѣси.

Вокругъ берега идетъ чудная дорога для гулянья, и прежде чѣмъ выйти въ городъ, окруженный горами, нужно пересѣчь великолѣпный лугъ. Нѣтъ ничего живописнѣе этой части приморскихъ Аппенинъ! Прощай мой дорогой, мой чудный другъ!

Поскорѣ пришли мнѣ извѣстія о себѣ. Я буду ждать ихъ въ Парижѣ.

Генуя, 22 Мая 1826 года.

Немного было нужно для того, дорогой мой другъ, чтобы я оставилъ своихъ молодыхъ спутниковъ, и дойдя до крайности послѣ одного совершенно безпорядочнаго спора, продолжалъ свой путь до Паряжа въ дилижансѣ. Теперь не время знакомить тебя съ подробностями всей этой исторіи: могу только сказать, что боязнъ, какъ бы

моя разлука съ ними не произвела слишкомъ сильнаго впечатлѣнія въ свѣтъ, принудила меня простить имъ одну глупость и что, по настоянію одного изъ братьевъ, я долженъ былъ быть снисходительнѣе къ нимъ. Говорятъ, что завтра мы покидаемъ Геную, и что рѣшено ѣхать моремъ до Ниццы, на фелюгахъ. Вотъ какъ все мѣняется. Путешествіе, отъ котораго я ожидалъ столько удовольствій, сдѣлалось въ нѣкоторомъ родѣ нравственнымъ утомленіемъ, котораго я вовсе не ожидалъ, и только мысль о близкомъ свиданіи съ Пери способна вознаграждать меня за все. Я все время гуляю и люблюсь генуэзскими дворцами, представляющими изъ себя нѣчто изумительное. Мы сдѣлали двѣ чудныхъ морскихъ прогулки, но въ первый же разъ, какъ вышли въ открытое море, оно такъ разбушевалось, что мы были принуждены возвратиться въ гавань, такъ какъ нашу лодку слишкомъ сильно качало. Нѣтъ ничего болѣе страшнаго, какъ ощущать силу волнъ морскихъ, сидя въ деревянной скорлупкѣ, плавающей на поверхности только потому, что море кажется спокойнымъ и презираетъ такой слабый грузъ. Мы два раза были на театральномъ представленіи, король посѣщаетъ ихъ ежедневно. Даютъ *Крестоносца въ Египтъ*, музыка чудесная, но исполняется ужасно плохо. Въ Генуѣ всѣ мѣста въ театрѣ, всѣ улицы и площади полны военными. Мимо ложъ ходятъ, и во всемъ театрѣ такая духота, что съ трудомъ можно выдержать. Народъ не станетъ выражать своего одобренія до тѣхъ поръ, пока король не начнетъ аплодировать. Эта принужденность въ порицаніи и восторгѣ производитъ странное впечатлѣніе. Мѣста для прогулокъ въ окрестностяхъ Генуи прелестны, но генуэзскіе вельможи такъ же скупы, какъ флорентійская и римская знать.—Нѣтъ ни книгъ, ни журналовъ!—Нашъ консулъ, живущій въ Ниццѣ, братъ генерала Мишо. въ настоящее время находится въ Генуѣ; онъ, повидимому, человекъ вполне „comme il faut“. Онъ первый посѣтилъ меня, и я немедленно отдамъ ему визитъ. Вотъ все, что я могу сообщить тебѣ сегодня, дорогой другъ, надѣюсь, ты будешь въ восторгѣ отъ той точности, съ которой я начинаю свою новую переписку. Я и въ будущемъ не измѣню этому правилу. Обѣщаю писать очень аккуратно. Какъ только приѣду въ Парижъ, пошлю на почту, я увѣренъ, что тамъ есть отъ тебя письма. Ахъ, какъ пріятно было бы узнать о полномъ твоёмъ выздоровленіи и о томъ, что ты снова выѣзжаешь въ свѣтъ! Чтобы подѣлиться съ тобой, я увлекся изученіемъ Генуи въ политическомъ, литературномъ и торговомъ отношеніи; въ послѣднемъ отношеніи мало что могло дать мнѣ выгодное впечатлѣніе отъ этого города; все остальное въ очень жалкомъ состояніи. Увѣряю тебя, ты живешь въ самой лучшей странѣ на землѣ, потому что, согласишься, что флорентинцы и

всѣ вы, вы живете при правительствѣ, которое относится къ вамъ отечески. Мнѣ горько было разставаться съ оживленными холмами Этрурии, гдѣ все говоритъ о благополучіи и счастіи. Ахъ, какъ непохожъ на Тоскану весь остальной міръ! Генуя построена въ видѣ амфитеатра, и морской горизонтъ такъ широкъ, что при видѣ его мысль человѣческая становится совершенно свободной. Если ты когда нибудь будешь въ Генуѣ, поднимись на ступени виллы Дураццо; ты увидишь тамъ рощу, изъ которой открывается необозримый видъ на море, на городъ и на тысячи судовъ, сливающихся въ одну точку. Я видѣлъ церковь, гдѣ покоятся останки великаго Андрея Доріа. На фасадѣ можно прочесть великолѣпную надпись, выраженіе признательности, достойное генуэзскаго краснорѣчія:

Majorem nostrorum memoria: Andreas Doria afflictam patriam non deservit.

Могила его въ самомъ жалкомъ состояніи: сырость разѣдаетъ мраморъ. Революціонная ярость окровавленной и дикой рукой стерла имя и образъ освободителя родины, эти варвары не пощадили даже имени, которое нѣкогда было вырѣзано на мраморѣ! имени, этого простого украшенія его гробницы. Ахъ, какъ безразсудна бываетъ душа человѣческая въ проявленіи страстей. въ слѣпой ярости! Въ генуэзскихъ галереяхъ есть прекрасныя картины, но главнымъ образомъ фламандской школы, здѣсь есть великолѣпныя Ванъ Дики и Рубенсы. Куда ни оглянись, вездѣ найдешь слѣды позорной революціи 1777 года. Здѣсь есть принадлежащій знатному генуэзцу садикъ, въ немъ заключаются всѣ чудеса свѣта. Здѣсь видишь ты кофейное дерево вмѣстѣ съ бенгальской розой, тамъ китайская роза растетъ рядомъ съ сахарнымъ тростникомъ, на одномъ и томъ же клочкѣ земли. По мѣрѣ того, какъ идешь вглубь этого пустыннаго убѣжища, видъ становится все обширнѣе и все живописнѣе, воздухъ напоенъ благоуханіемъ тысячи цвѣтовъ, ползущихъ подъ ногами и вьющихся надъ головой: время отъ времени попадаются кипы апельсиновыхъ деревьевъ, среди которыхъ стоятъ изображенія великихъ людей Италіи. Вездѣ это религіозное поклоненіе, это возрожденіе современной скульптуры! Владѣлецъ этого философскаго уголка человѣкъ весьма любезный, хорошо знакомый съ литературой родной страны. Зовутъ его Ди Негро. Прощай, мой ангель, будь здоровъ и вѣрь мнѣ, что ничто такъ не напоминаетъ намъ нашихъ друзей, какъ красивое мѣстоположеніе или запахъ прекраснаго цвѣтка. Прощай. Пери забыла мнѣ написать.

8 декабря.

Прошло ужъ двѣ недѣли, какъ я не получалъ писемъ отъ Пери. Ея молчаніе тревожитъ и огорчаетъ меня. Здоровье кузины опять плохо, а парижскій климатъ вовсе ей не годится. Мое одиночество было бы невыносимо безъ частыхъ вѣстей отъ существа, которое мы оба такъ нѣжно любимъ и которое нельзя не любить. Кн. Гагаринъ вернулся изъ Сіены, онъ привезъ мнѣ громадный пряникъ; мы въ наилучшихъ отношеніяхъ, намъ это необходимо. Что касается нашего представленія, вообрази, насъ обоихъ хотятъ сдѣлать камеръ-юнкерами. Будь, что будетъ, я всецѣло отдаюсь на волю провидѣнія, если только оно вмѣшивается въ наши дѣла. Что доставляетъ мнѣ удовольствіе, такъ это существующее между нами внутреннее согласіе, потому что, увѣряю тебя, нѣтъ большаго счастья, чѣмъ жить въ мирѣ со всѣми. Скажи мнѣ, пожалуйста, живутъ ли на широкую ногу наши юные кузены, и гдѣ бы они хотѣли поселиться въ Римѣ, потому что, если они заранѣе не предупредятъ меня о пріѣздѣ, они могутъ не найти себѣ помѣщенія, ввиду того, что городъ полонъ иностранцами. Что они предпочитаютъ, гостиницу или частный домъ; много ли комнатъ имъ нужно: эти вопросы непременно нужно рѣшить. Они пріѣдутъ въ любопытное, шумное время, и несмотря на то, что они богаты, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они за все платили вдвое. Для меня будетъ сущимъ праздникомъ показать имъ красоты бывшей столицы міра и я общаю имъ много удовольствій. но, какъ я уже говорилъ тебѣ, они должны меня слушаться и отдать себя подъ мое особое покровительство. Если бы они пріѣхали сюда около 25 числа этого мѣсяца, они могли бы присутствовать на торжествѣ, которое можно видѣть одинъ разъ въ 25 лѣтъ: это закрытіе царскихъ вратъ въ храмѣ святого Петра.

Въ энциклопедическомъ ежемѣсячникѣ, издаваемомъ въ Парижѣ, подъ руководствомъ лучшихъ французскихъ ученыхъ, я пробѣжалъ глазами статью о полномъ собраніи сочиненій графа де Мэстра. Тамъ его строго критикуютъ, но по совѣсти говоря, отчасти вѣрно: вторая часть не стоитъ первой. Между прочимъ тамъ сказано, что въ предисловіи къ Каскамбо онъ защищаетъ доступъ этого сочиненія въ Россію. Критикъ говоритъ, что эта страна дала пріютъ автору *путешествія вокругъ своей комнаты*, и что поэтому о ней нельзя говорить такъ неблагоклонно. Изъ всѣхъ дамъ-Француженокъ, съ которыми я былъ до сихъ поръ знакомъ, г-жа де Сентъ Олэръ самая хорошенькая и самая любезная. Она живетъ въ тѣхъ самыхъ комнатахъ, которыя

занимала кухня во время своего пребывания въ Римѣ, такимъ образомъ, все, что ее окружаетъ, связано для меня съ прекрасными воспоминаніями. Г-жа де Сентъ-Олеръ обожаетъ нѣмецкую поэзію; она знаетъ наизусть Шиллера и Гёте. Ея мужъ, очень важное лицо, перевелъ Фауста и заслужилъ во Франціи успѣхъ огромный. Я рѣдко бываю у нихъ, но всегда провожу очень пріятные вечера, и мы будемъ собираться въ тѣсномъ кругу, членовъ котораго я тебѣ назову, для того, чтобы изучать *Данте*, а одинъ профессоръ-Итальянецъ будетъ давать намъ объясненія. Я въ восторгѣ отъ этого занятія. Да! г-жа де Сентъ-Олеръ достойна того, чтобы обитать въ комнатахъ, гдѣ Пери оставила неизгладимые слѣды. Хилковъ неутомимый болтуня, онъ трещитъ, какъ мельница, и рѣдко самъ знаетъ о чемъ говорить. Должно быть таковъ былъ спутникъ отца моего, о которомъ онъ говоритъ, описывая въ стихахъ сельскій праздникъ; я говорю о его прелестномъ разсказѣ подъ заглавіемъ „Пиръ“. Я получилъ письмо съ острова Корфу отъ бѣдняги *Пиццамано*, онъ при смерти, и обвиняетъ въ этомъ меня; это потому, что онъ опять заболѣлъ послѣ одной слишкомъ длинной и слишкомъ оживленной бесѣды, о происхожденіи гербовъ, которую мы затѣяли въ тѣсномъ кругу у кухни. Его письмо является своего рода духовнымъ завѣщаніемъ, и можетъ быть его ужъ нѣтъ въ живыхъ въ настоящую минуту, когда я пишу тебѣ о немъ.

Was sind Hoffnungen, was sind Entwürfe,
Die der Mensch, der vergängliche, baut?

Г-жа де Сентъ-Олеръ одолжила мнѣ новую нѣмецкую трагедію Бэра, озаглавленную *Парія*. Тамъ есть прекрасные стихи:

Des Weibes Herz kennt nur ein Glück auf Erden;
Dies Glück heisst: lieben und geliebt zu sein.

Разумнай у графа Бутурлина относительно компаніи Сегюра, а я поручилъ де Романи написать Пятти, что послѣдній получить здѣсь отъ меня деньги, которыя я долженъ флорентійскому книготорговцу за сочиненія Баранта и Ботта..... Сейчасъ я получилъ твое письмо № 30, и огорченъ, что общество тебѣ наскучило, и что ты стараешься погрузиться въ воспоминанія. На мой счетъ успокойся: въ Римѣ сердце мое не будетъ связано, не предполагай ничего плохого относительно моего здоровья, оно въ наилучшемъ состояніи. Что касается Демидова, то ты знаешь, что къ новому году онъ общалъ опять прислать мнѣ денегъ. Мы раздѣлимъ ихъ, а если я получу благоприятный отвѣтъ отъ кухни, я обещаю дать тебѣ 600 франковъ. Давай вмѣстѣ помолимся о благопріятномъ исходѣ нашего дѣла, а я съ своей стороны не забуду написать крану и сдѣлать ему соотвѣт-

ственное внушеніе; успѣхъ представляется мнѣ сомнительнымъ, если не совсѣмъ безнадежнымъ. Кромѣ того, если изъ Петербурга придетъ на мое имя вексель, распорядись имъ по своему усмотрѣнію.... я подожду. Нужно тебѣ сказать, что теперь мнѣ удалось получить отъ Италинскаго пропуски для Голицыныхъ, но что странно было бы просить о нихъ для такого мальчика, какъ Толстой, у него нѣтъ ни жены, ни собственнаго дома. Старикъ скорчилъ гримасу даже когда дѣло шло о кузенахъ, но на всякій случай, я попытаюсь обратиться къ нему и съ послѣднею просьбой. Маленькій Бутурлинъ очень мало значить. Прощай.... какъ быть, мой добрый Мишель?... Ни одного письма отъ моей милой Каролины.—

Получено во Флоренціи 6 Юня.

Лионъ, 29 Мая 1826 года.

Ты будешь восхищаться моей аккуратностью, дорогой Мишель, когда получишь письмо отсюда, изъ Лиона, гдѣ мы остановились на два дня. Я сдѣлалъ блестящій шагъ; убѣдилъ своихъ спутниковъ бросить югъ Франціи и немедленно отправиться въ Парижъ. Мы перешли черезъ гору Кони. Какъ чудесно и какъ страшно! Намъ понадобилось пять часовъ для того, чтобы подняться на вершину горы; тамъ все покрыто снѣгомъ, а горное озеро замерзло. Окутанные облаками, мы переносили снѣгъ, градъ и дождь; между тѣмъ у подножія горы мы задыхались отъ жары. Что за волшебство—вдругъ перенестись на сѣверъ! Въ своемъ дневникѣ, который я до сихъ поръ веду очень послѣдовательно, я разскажу все, что видѣлъ и чувствовалъ на альпійскихъ высотахъ. Мы совершаемъ наше путешествіе какъ нельзя лучше и черезъ четыре дня я увижу новый Вавилонъ. Лионъ великолѣпный городъ. Сегодня все полно оживленной толпою, потому что нынче праздникъ Тѣла Христова. Чѣмъ я ближе къ Парижу, тѣмъ сильнѣе сгораю отъ нетерпѣнія увидѣть ее. Сегодня утромъ я читалъ газеты; Порта согласилась на всѣ требованія Россіи, дала свободу сербскимъ депутатамъ и назначила полномочнаго министра для переговоровъ съ русскимъ уполномоченнымъ. Но по моему мнѣнію это только начало. посмотримъ, что изъ этого выйдетъ.—Это очень важная новость.—Почта отправится сегодня въ часъ дня, и тогда мы сядемъ въ карету и поѣдемъ осматривать городъ и его древности. Прощай же, мой милый другъ, да хранить тебя Богъ. Какъ можно скорѣе напиши, дай о себѣ знать. Кланяюсь всѣмъ.

Получено 8 Іюня 1826 г.

Шалонъ на Сонъ.

Пишу тебѣ, мой ангель, изъ одного французскаго города, славящагося прекрасными гостиницами, живописными мѣстами для прогулокъ и т. д. Все время стоитъ плохая погода, все время, пока мы въ королевствѣ, идетъ дождь, но даже и сквозь тучи видно, какъ Франція прекрасна, и нельзя не признаться, что это самая чудная страна въ Европѣ. Мы два дня пробыли въ Ліонѣ, осматривали знаменитыя фабрики этого города, музей, гдѣ есть хорошія вещи, и бібліотеку, которую намъ показывалъ угольщикъ и его жена, оба черные, какъ самъ уголь. Мы благополучно продолжаемъ нашъ путь и черезъ два дня будемъ въ Парижѣ. Въ Ліонѣ я нашелъ много новыхъ книгъ, между прочимъ второй томъ воспоминаній Сегюра съ портретомъ нашей великой Императрицы. Сегюръ отдаетъ должное этой Государынѣ и еще больше—русскому народу, къ нему онъ сохранилъ привязанность и благодарность, которыя дѣлаютъ ему великую честь. Этотъ томъ его воспоминаній написанъ съ большимъ достоинствомъ и безпристрастіемъ. Какъ только я приѣду въ Парижъ, пришлю тебѣ съ Голицыными этотъ томъ, а также и другія вещи. Мы прекрасно путешествуемъ, потому что во Франціи вездѣ отличныя гостиницы; женщины тамъ лѣнны; на сѣверѣ Франціи принято пользоваться мужской прислугой; они отлично справляются со своимъ дѣломъ. Мы побывали въ Ліонскомъ театрѣ; это самое худшее, что только можетъ быть въ этомъ родѣ. Въ партерѣ кричатъ, клянутся, свистятъ и это называется *конституціонной свободой*.—Во время путешествія я получилъ уже четвертое письмо. Прощай, смертельно хочется спать; мы выѣхали изъ Ліона сегодня въ пять часовъ утра, собирались ѣхать въ Дижонъ, но сильнѣйшая гроза заставила насъ переночевать въ Шалонѣ. Отъ всей души цѣлую тебя. А какъ твое здоровье?

30 Мая 1826 года.

Получено 10 іюня 1826 г.

Аваллонъ.

Пишу еще разъ, но только коротенькое письмо, милый другъ. Завтра буду въ Парижѣ, гдѣ и начну серьезные переговоры. Завтра увижу Пери и всѣхъ, кого такъ хочется видѣть! Мы ѣдемъ очень скоро, для развлечения я читаю новый романъ Уоллтеръ Скотта, *Вудсворскій замокъ*, а приѣзжая въ чудную гостиницу, принимаюсь дурачиться. Въ настоящую минуту я сражаюсь съ очаровательной дѣвоч-

кой, которая подаетъ намъ завтракъ; она, какъ всѣ французенки, очень задорная особа. Прощай. Какъ только прїѣду въ Парижъ, дамъ о себѣ знать. Прощай.

1-го Юня 1826 года.

Получено 15-го во Флоренціи.

Сообщить въ Москву при 24 № (другой рукой).

3 Августа 1826 г.

Парижъ.

Въ настоящую минуту, милый другъ, ты ужъ долженъ получить вексель и сопровождающую его записку. Нѣтъ ни одного новаго письма, которое успокоило бы меня насчетъ тебя, а мое безпокойство, вмѣсто того, чтобы утихнуть, растетъ по мѣрѣ того, какъ ты хранишь упорное молчаніе. Я все еще въ Парижъ, и Богъ вѣсть, когда уѣду. Долгъ зоветъ меня въ Испанію, а посольство задерживаетъ меня здѣсь. Сердце мое вполне удовлетворено, потому что ему нечего желать подлѣ Пери, съ которой я вижу каждый день и которая съ каждымъ днемъ становится все милѣе и любезнѣе. Въ настоящее время въ Парижъ всѣ скучаютъ. Теперь каникулярное время, публичныя лекціи закрыты, высшее общество на дачѣ, а жара на солнцѣ доходитъ до 30 градусовъ. Вчера я началъ брать уроки плаванія, и дней черезъ восемь займусь лягушачьимъ ремесломъ. Сегодня утромъ Лиза съ теткой возвращается изъ Лондона; она обѣщала Каролинѣ вести для нея дневникъ, подробно описывая свое пребываніе въ Англіи. Если его можно будетъ сообщить мнѣ, я буду подробно извѣщать тебя обо всемъ, что окажется достойнымъ справедливыхъ твоихъ наблюденій надъ мадемуазель Лизой. Съ Пери у нея прочная дружба, а та нѣжно называетъ ее *сестренкой*. Когда она уѣзжала въ Лондонъ, я подарилъ ей книгу; она дала мнѣ взаменъ маленькій портфель для визитныхъ карточекъ, а мнѣ пришлось претерпѣть всѣ мытарства для того, чтобы его получить. Бѣдная Лиза! Она будетъ очень огорчена, узнавъ отъ меня печальныя новости о твоёмъ здоровьѣ, потому что она тебя очень любитъ. Все остальное идетъ своимъ чередомъ. Мы сходимся все ближе и ближе и меня такъ мало стѣсняются, что я начинаю играть довольно неблаговидную роль, сопротивляться которой у меня, къ несчастью, нѣтъ никакихъ силъ. Итакъ, черезъ два мѣсяца переѣдутъ на новую квартиру и уѣдутъ съ улицы Шантрень, гдѣ было прелестно. Передъ домомъ есть маленькій садикъ, великолѣпно устроенный, въ немъ растутъ всевозможныя деревья. Мы будемъ проводить тамъ цѣлыя вечера. Кузены иногда быва-

ютъ согласны со мною, но они очень неуживчивы, что они и сами замѣчаютъ, и что, къ несчастью, имъ трудно это скрыть. Они умираютъ отъ скуки, а ихъ разговоры до безнадежности пусты. Третьяго дня я былъ въ Этиоль: это имѣніе г-жи де Сентъ-Олэръ. Равнина; вдали по непривлекательной мѣстности лѣниво извивается Сена, растительность вся выжжена солнцемъ, луга безъ цвѣтовъ, запущенныя тропинки въ печальной и мрачной рощицѣ; домъ въ довольно хорошемъ состояніи: вотъ что называется имѣніемъ въ окрестностяхъ Парижа. Я нашелъ эту даму, когда то столь любезную, въ полнѣйшемъ уныніи, а скандальная лѣтопись гласить, что измѣна такъ сильно повліяла на ея подвижной характеръ. Мнѣ совсѣмъ не охота углубляться въ причины. Такія дѣла—достояніе всѣхъ классовъ общества, потому что въ подобныхъ случаяхъ самые невѣжественные люди вмѣшиваются и въ политику, и въ такія вещи, которыя ихъ совершенно не касаются. Иногда я отъ 11 до 2 ч. дня занимаюсь въ канцеляріи. Всѣ эти господа въ восторгѣ оттого, что нашли усерднаго сотрудника, съ которымъ они нисколько не стѣсняются. Между собой они всѣ на ты, а Ломоносовъ нерѣдко выходитъ въ канцелярію въ халатѣ и босикомъ. Вотъ какая у насъ распущенность въ парижскомъ посольствѣ. Самъ не знаю почему, но самый шумный городъ въ мірѣ, Парижъ, до сихъ поръ не доставилъ мнѣ настоящаго удовольствія, у меня нѣтъ даже желанія посмотрѣть то, что привлекаетъ всеобщее любопытство. Можно сказать, что я всѣмъ пресытился. Планъ поѣздки въ Америку съ каждымъ днемъ все больше привлекаетъ меня, мнѣ хочется увидать новый свѣтъ, страну, гдѣ люди еще не единственные земные обитатели и гдѣ еще остались великодушныя львы и жаждущіе крови тигры. Наши радушные берега ужъ не удовлетворяютъ меня, а карриатура на бульвары ничего больше не говоритъ моему уму. Мнѣ нужна другая обстановка и болѣе величественная природа. До сихъ поръ свѣтскія развлечения нисколько не повліяли на мой характеръ, и если бы Пери время отъ времени не отрывала меня отъ книгъ, я до сихъ поръ сидѣлъ бы, запершись, наединѣ съ самимъ собою. Ты понимаешь, что я хочу этимъ сказать? Пока прощай, пойду на урокъ плаванія. Потомъ кончу это письмо.—

4 Августа.

Письмо, которое нашъ милый другъ получила вчера отъ мадемуазель Ташиньки, гласить, что нашъ прекрасный графъ де Мэстръ со всей семьей пріѣдетъ въ Италію и поселится по сосѣдству съ тобой. Я вижу въ этомъ персть Провидѣнія, потому что ты, конечно, будешь счастливъ, опять увидя графа. Онъ вѣроятно уже пріѣхалъ въ Пизу.

Зачѣмъ я еще не подъ прекраснымъ небомъ Италіи! Потому что я считалъ бы величайшимъ счастьемъ встрѣтить еще разъ въ жизни, передъ тѣмъ, какъ уѣду въ Испанію и появлюсь въ политическомъ туманѣ Иберіи, графа де Мэстра, котораго считаю своимъ благодѣтелемъ, и имѣю основаніе думать, что послѣ тебя, мой милый Мишель, онъ лучшій изъ всѣхъ моихъ друзей, которыхъ я только зналъ. Мадемуазель Лиза все еще не пріѣхала. А пока у меня совсѣмъ нѣтъ извѣстій изъ Флоренціи, а такъ какъ ты меня любишь, то долженъ понять, дорогой мой Рафаэль, до какой степени меня терзаетъ твое молчаніе и сколько безпокойства оно мнѣ причиняетъ. Ради Бога прерви же его. Я продолжаю брать уроки испанскаго языка и начинаю уже довольно бѣгло читать восхитительнаго Донъ-Кихота. Ни одинъ переводъ не можетъ сравниться съ подлинникомъ. Въ Мадридѣ я постараюсь усовершенствоваться въ англійскомъ языкѣ, и можетъ быть мнѣ удастся изучить всѣ живые языки. Панинь давно уѣхалъ въ Петербургъ. Богъ знаетъ, что онъ будетъ дѣлать съ собой. Прощай, дорогой Рафаэль. Я каждый день молюсь Богу, чтобы онъ послалъ тебѣ здоровья. Напиши мнѣ какъ можно скорѣе, я умоляю тебя.

Получено во Флоренціи 19 Августа.

Парижъ, 7 Августа 1826 г.

Сообщить въ Москву, то же 24 № (другой рукой.)

Твое молчаніе убиваетъ меня, дорогой Рафаэль, я не могу его понять. Неужели ты считаешь меня такимъ безчувственнымъ по отношенію къ горестямъ, о которыхъ мнѣ извѣстно, зная, что я неувѣренъ относительно того положенія, въ которомъ ты дѣйствительно находишься. Вчера мы были въ Версалѣ, видѣли короля, всѣхъ дѣтей Франціи и водопады, которые пускаютъ въ ходъ только нѣсколько разъ въ годъ. Это очень красивое зрѣлище, и мы очень веселились. Каролина тебѣ кланяется. Поговариваютъ о великихъ перемѣнахъ: дай Богъ, чтобы онѣ осуществились. Кузина собирается поѣхать на зиму въ Италію, ей хочется быть вмѣстѣ съ княгиней Еленой и де-Мэстрами и избѣжать вреднаго для ея здоровья парижскаго климата. Отъ этого плана я въ восторгѣ. Это единственный способъ избѣжать парижскихъ сплетенъ, и выйти изъ оскорбительнаго и тяжелаго положенія и ей, и всѣмъ окружающимъ. Лиза возвратилась, вчера я видѣлъ ее мелькомъ на балконѣ въ ту минуту, когда мы уѣзжали въ Версалъ; Каролинѣ она писала, что очень довольна Лондономъ, но повидимому

не забыла и Флоренцію, и все ея очарованіе. Сегодня я пойду къ ней. О моемъ отъѣздѣ нѣтъ и рѣчи, а такая задержка сильно разстраиываетъ мои финансы, потому что ты можешь себѣ представить, что значить двухмѣсячное пребываніе въ Парижѣ съ такимъ тощимъ кошелькомъ, какъ мой. Вчера я написалъ длинное письмо графу Ксавье и послалъ его во Флоренцію на имя посланника. Возможно, что графъ де Мэстръ прежде чѣмъ ѣхать въ Пизу остановится на нѣкоторое время въ Пьемонтѣ, и я прошу тебя—перешли мое письмо тотчасъ же, какъ только узнаешь, гдѣ онъ поселился. Такимъ образомъ, дорогой Мишель, Провидѣніе уже приготовило тебѣ утѣшеніе, потому что можно чувствовать себя безконечно хорошо, имѣя около себя такихъ знакомыхъ, а если кузина на самомъ дѣлѣ осуществить свои планы, я буду считать, что, находясь въ обществѣ моего *дивнаго друга*, ты счастливѣйшій изъ смертныхъ. Но пока, до рѣшительнаго призванія, молчи о планахъ кузины. Я цѣликомъ обновилъ свой гардеробъ, теперь онъ въ полномъ порядкѣ. Въ этомъ отношеніи Пери сдѣлала меня заботливымъ и даже кокетливымъ, потому что я одѣваюсь, какъ всѣ. Желаніе ей нравится сильнѣе разсудка, но во всемъ остальномъ побѣждаетъ этотъ послѣдній, потому что можно чувствовать себя спокойно только подъ покровительствомъ Минервы. Вотъ два письма, умоляю тебя, направь ихъ по адресамъ. Прощай, потому что больше писать не о чемъ. Ради Бога сообщи всѣ новости о себѣ и не выдавай того, что знаешь обо мнѣ. Дня черезъ 4—5 я опять напишу тебѣ. Прощай, мой чудный другъ. Да хранить тебя Господь.

Я не получаю писемъ.

Мадридъ, 27 Августа 1826 г. № 1.

Получено 12 Сентября.

Наконецъ то я въ Мадридѣ, дорогой мой Рафаэль! Первымъ настоящимъ удовольствіемъ, которое я испыталъ на новомъ мѣстѣ жительства, была полученная мною толстая пачка твоихъ писемъ, которыхъ я былъ лишень столько времени, лишеніе, превратившееся для меня въ настоящее мученіе. Хотя я и не доволенъ извѣстіями о твоей лихорадкѣ, но все таки благодарю тебя за нихъ. Во всякомъ случаѣ дѣйствительность какъ бы прискорбна она ни была, всегда лучше неизвѣстности. Господь поможетъ тебѣ, милый Рафаэль. Ты находишься въ такомъ цвѣтущемъ возрастѣ, когда физическія потрясенія часто только укрѣпляютъ здоровье. Кромѣ того, ты ужъ такъ долго хворалъ,

что скоро долженъ выздоровѣть. Нужно потерпѣть еще немножко. Меня очень огорчили печальныя извѣстія изъ Москвы, мнѣ жаль главнымъ образомъ Антонину, а не ея ребенка, котораго я почти не зналъ. Дай Богъ, чтобы религиозное смиреніе и на этотъ разъ помогло Антонинѣ, какъ это всегда бывало съ ней въ жизни, потому что Провидѣніе никому не посылаетъ столько мужества и силъ, сколько дается сердцу, убитому горемъ. Поведеніе молодца *Теллина* тронуло меня до слезъ. Развѣ онъ не выражалъ глубокой привязанности къ отцу моему и горькихъ сожалѣній послѣ его смерти? Я, какъ и ты, цѣню такую рѣдкую привязанность и благородное поведеніе по отношенію къ нашей семьѣ; такія чувства рѣдко встрѣчаются на этомъ свѣтѣ. Я приѣхалъ сюда третьяго дня въ пять часовъ утра, послѣ необыкновенно быстрого шестидневнаго путешествія, такъ какъ нужно почти 8 дней для того, чтобы проѣхать то же разстояніе. Но П. посовѣтывалъ мнѣ ѣхать поскорѣе, потому что за мною по пятамъ ѣхалъ французскій гонецъ, а онъ не долженъ былъ перегнать меня. Путь, по которому я ѣхалъ, очень опасенъ: воры грабятъ проѣзжихъ почти у самыхъ воротъ Мадрида, а главное въ горахъ; но чего мнѣ было бояться? Твои молитвы, милый мой Рафаэль, и молитвы Каролины всегда охраняютъ меня. Первые впечатлѣнія отъ страны, которую мнѣ пришлось проѣзжать, пока очень тяжелыя. Испанія—это пустыня. Жители—въ полномъ униженіи; нищета всеобщая.—На первый взглядъ Мадридъ кажется безотраднымъ призракомъ. Горизонтъ плоскій, какъ поверхность моря, ни растительности, ни одного пригорка, ни одного деревца! Мои ощущенія были еще непріятнѣе потому, что я только что покинулъ богатѣйшую въ Европѣ страну, Францію, гдѣ достатокъ и культура являются въ полномъ блескѣ.—А разлука съ Пери! Какихъ усилій она мнѣ стоила! Дорогой Мишель. Къ чему скрывать, до какой степени я люблю этого земного ангела?—За послѣдніе три мѣсяца, проведенные мною вблизи нея, дня не было, чтобы я не открылъ какого нибудь новаго качества въ ея добромъ сердцѣ или вообще чего нибудь возвышеннаго въ ея характерѣ. Счастье, которое я ощущалъ близъ нея, было такъ полно! Около нея мои мысли становились чистыми и плодотворными, душа находила силы, которыя казались утраченными на вѣки! Во время моего отъѣзда планъ поѣздки въ Италію, а именно въ Пизу, былъ еще слишкомъ неопредѣленнымъ, но о немъ много говорили. Единственное затрудненіе, представляющееся такому плану—это дѣти требующія систематическихъ занятій, и графинѣ не совѣтовали брать ихъ съ собою. Но какъ такое путешествіе было бы необходимо кузинѣ и полезно ея репутаци. На свѣтѣ нѣтъ ничего злѣе русской колоніи въ Парижѣ. Всѣ эти дамы просто дикіе звѣри, а

супруга Михаила Голицына—первая въ свѣтъ сплетница. Въ первомъ своемъ письмѣ изъ Парижа я дамъ тебѣ слишкомъ подробныя свѣдѣнія о поведеніи кузины для того, чтобы говорить и сегодня о томъ же непріятномъ предметѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Франціи, не произошло еще никакихъ переменъ. Но, если не ошибаюсь, она не способна на продолжительное чувство; скука скоро придетъ на смѣну минутной фантазіи и первая же разлука разрушитъ то, что какъ будто прочно создано слабостью и привычкой. Я истощилъ все свое краснорѣчіе, чтобы убѣдить ее въ необходимости путешествія, а мой совѣтъ долженъ быть казаться ей тѣмъ болѣе искреннимъ, что я давалъ ей его какъ разъ въ то время, когда самъ долженъ былъ уѣхать отъ нихъ. Но на самомъ дѣлѣ это касается меня гораздо ближе, чѣмъ когонибудь другого. Каролинѣ нужно уѣхать изъ Парижа, гдѣ всѣ ей льстятъ, не понимая ее, ей нужно въ горы, ей нужно звѣздное небо и искреннихъ друзей. Въ настоящее время все это можно найти въ Италіи. Парижъ истощаетъ ея умъ и сушитъ ея сердце. Она въ опасномъ и ложномъ положеніи. Ей нужно изъ него выйти. Около нея есть настоящій врагъ—*это аббатъ*. У этого человѣка подъ маской смиренія таится самое испорченное сердце и самая податливая совѣсть. Это онъ распускалъ сплетни во время моего пребыванія въ Парижѣ и подтверждалъ ихъ въ средѣ русскихъ дамъ, говоря, что Пери со мной въ близкихъ отношеніяхъ, онъ старался нарушить спокойствіе ея совѣсти. Поэтому то я и дѣйствовалъ въ такомъ направленіи, и думаю, что хорошо сдѣлалъ. Каролина когданибудь расскажетъ тебѣ все остальное. Вернемся къ Мадриду.—

Пріемъ, оказанный мнѣ новымъ моимъ начальникомъ, общаетъ мнѣ счастливую будничную жизнь. Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, всѣ спѣшатъ прійти мнѣ на помощь. Штофрегенъ кажется очень хорошіи малый. Майендорфъ, не будучи со мной знакомъ, держитъ себя очень предупредительно. Въ настоящее время его нѣтъ въ Мадридѣ. Какъ только я сюда пріѣхалъ, мнѣ передали отъ него письмо, въ которомъ онъ мнѣ предлагаетъ поселиться въ его квартирѣ. Я прожилъ тамъ одинъ день, а такъ какъ онъ скоро вернется, я нанялъ хорошенъкое помѣщеніе на той же улицѣ, на которой живетъ д'Убри. Конечно, все это только временно, потому что у меня будетъ квартира при посольствѣ. Это главное. и я непреклоненъ.

Г-нъ д'Убри тебя помнитъ, спрашивалъ о тебѣ. Его жена только что благополучно разрѣшилась отъ бремени. Мы обѣдаемъ каждый день всѣ вмѣстѣ. Завтра подъ управленіемъ знаменитаго *Меркаданта* открывается итальянская опера, для начала это большое удовольствіе.

Я не измѣню своего рѣшенія писать тебѣ каждый понедѣльникъ, а твои письма, милый Мишель, необходимы теперь для меня, такъ какъ я оторванъ и далекъ отъ всего, что мнѣ дорого. Скоро вокругъ тебя объединятся всѣ лица, одинаково близкія намъ обоимъ, и переписка съ тобой должна вознаградить меня за все, что я утратилъ, уѣхавъ въ Испанію.

Здѣсь есть русская часовня, а нашъ домовый священникъ живетъ здѣсь уже семь лѣтъ, по словамъ всѣхъ, это человѣкъ достойный уваженія. Онъ немедленно представился мнѣ, и сегодня я завтракаю у него. Въ Мадридѣ я останусь единственнымъ православнымъ человѣкомъ. Въ мадридскомъ обществѣ мой предшественникъ оставилъ по себѣ самую хорошую память. Мнѣ будетъ трудно заслужить такіе же похвальные отзывы. Сегодня я начну дѣлать дипломатическіе визиты. Въ твоихъ письмахъ мнѣ не хватаетъ № 7, напиши мнѣ, по разсѣянности ли его не оказалось среди твоей переписки, или же оно не дошло до меня по небрежности почты? Я буду молчать объ окончательномъ результатѣ справокъ. Наказаніе было заслужено. Пока довольно съ тебя этихъ шести страницъ, дорогой мой другъ. Пока все еще въ полномъ беспорядкѣ и вокругъ, и въ головѣ у меня. Сумѣю ли выразить тебѣ нетерпѣніе, любопытство и страхъ, съ которыми я жду твоихъ писемъ? О, ради Бога, милый другъ, присылай мнѣ хорошія извѣстія о твоемъ здоровьѣ. Мое—какъ нельзя лучше. Будь остороженъ, будь умницей! Медленное выздоровленіе тягостно, но зато оно не влечетъ за собой возобновленія болѣзни. Въ Италіи начинается лучшее время года. При видѣ ея чуднаго неба вспоминай своего друга, того, кому ты такъ дорогъ, что онъ не можетъ выразить этого на словахъ, а самъ безпрестанно думаетъ о тебѣ.

Мадридъ, 31 Августа.

Получено во Флоренціи 16 Сентября.

Твои письма совсѣмъ неутѣшительны, дорогой мой Мишель, въ нихъ нѣтъ даже никакихъ подробностей о твоей болѣзни. Твои письма—сегодняшнее и отъ 12 Августа—говорятъ объ отчаянномъ положеніи, въ которомъ находится Поль. Увы! чѣмъ можно помочь при такомъ положеніи вещей!

Гораздо лучше страдать одному, чѣмъ вмѣстѣ съ женой. Богъ знаетъ, почему дорогая наша Антонина такъ часто измѣняетъ своему слову: ей было бы такъ легко писать намъ *in extenso*, потому что на

такомъ далекомъ разстояніи всякая новость была бы очень любопытна какъ во Флоренціи, такъ и въ Мадридѣ. Пери еще не разу не написала мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ изъ Парижа, и я начинаю опасаться, нѣтъ ли какой нибудь серьезной причины ея молчанія.

Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ о твоей болѣзни, я рѣшилъ писать тебѣ съ каждой почтой.

До сихъ поръ я все еще не обремененъ работой, а мальпость уходитъ только въ 11 ч. вечера, такимъ образомъ, даже проведя на службѣ все утро, вечеръ у меня свободенъ. До сихъ поръ я только присматриваюсь къ своему новому положенію: здѣсь все имѣетъ такой печальный видъ, что нѣтъ никакой возможности избѣжать *мрачнаго настроенія*, а твои письма, письма изъ Москвы и молчаніе моей Каролины разстраиваютъ меня окончательно. Какъ быть? Ничто не можетъ измѣнить моего положенія. Вчера я былъ на театральномъ представленіи.

Меркадантъ давалъ свою новую оперу. Труппа недурная, но аудиторія невѣжественна до неприличія, и пылаетъ страстью къ музыкѣ.

Утро я провожу дома, потому что мои комнаты восхитительны, конечно, въ испанскомъ родѣ. Мой туалетный столикъ весь покрытъ вещами, которыя дала мнѣ та, которую ты такъ хорошо знаешь, и воспоминаніе о которой скрашиваетъ мое существованіе. Въ маленькой шкатулкѣ, чудной работы, лежатъ ея письма; стоитъ самый модный подсвѣчникъ, который Лиза привезла ей изъ Лондона: много разъ читанныя книги въ порядкѣ разставлены на этомъ столикѣ. Я дорожу бездѣлушками: прежде всего это все подарки друга, разрѣшающаго мнѣ имѣть собственность, потому что при моихъ взглядахъ на свободу, и при моей расточительности, которая, въ концѣ концовъ, не что иное, какъ слабость, я могъ бы отдать и послѣднюю рубашку.

„Увы! Я вѣчно, вѣчно останусь Кузей!“—Въ послѣднемъ письмѣ я ничего не отвѣтилъ ей по поводу твоихъ упрековъ. *Лиза* очаровательна, она заслуживаетъ того, чтобы знакомство съ нею больше цѣнили. Она очень чувствительна и *страшно* любитъ Пери. Тетка ея, возвратившись изъ Лондона, и составивъ планъ поѣхать въ Италію, увивалась передо мной, но ни я, ни кузина, мы оба ни разу откровенно не поговорили относительно Лизы.

Не скрою отъ тебя, мой нѣжный другъ, что это дѣло встрѣчаетъ большія затрудненія. и хотя я восхищаюсь твоимъ благоразуміемъ по

отношенію къ молодой особѣ, еще разъ совѣтую тебѣ потрудиться узнать ее поближе.

Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы отдать должное той, которая этого заслуживаетъ. Развѣ этого не достаточно?—Пока не спрашивай меня ни о Мадридѣ, ни о Лопэ де Вега, ни объ обществѣ, ни о Веласкецѣ, ни о чемъ—потому что у меня ни умъ, ни сердце еще не способны ни о чемъ судить, не способны ни на какое чувство кромѣ тѣхъ, которыя касаются твоего положенія и молчанія Пери. Да, Мишель, я дорого расплачиваюсь за удовольствіе видѣть столько странъ—и въ глубинѣ души тяжело страдаю. Благодарю тебя за то, что ты такъ аккуратенъ, несмотря на слабость ты не забываешь, что отъ твоихъ писемъ зависить мой покой. Съ своей стороны обѣщаю тебѣ, что и я буду платить тебѣ тѣмъ же. Мое здоровье превосходно. Скоро пять часовъ, и мнѣ нужно немножко пріодѣться, чтобы идти къ Убри. Прощай, ради Бога, береги свое здоровье.—Дорогой Рафаэль! Провидѣніе не заботится о насъ; оно ужъ смочило нашими слезами столько смертныхъ одровъ, такъ нужно, чтобы надежда, которую оно же поселило въ нашихъ сердцахъ, была непоколебима. У меня здоровье очень крѣпкое, дай же мнѣ узнать и о твоёмъ выздоровленіи, и тогда и я дамъ балъ—дѣтямъ Убри.

Кланяюсь Петру.

